

На правах рукописи

Козлова Анастасия Николаевна

**ПУБЛИЧНОСТЬ
КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Специальность 12.00.09-уголовный процесс,
криминалистика и судебная экспертиза;
оперативно-розыскная деятельность

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва - 2007

Работа выполнена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (юридический факультет)

Научный руководитель:	доктор юридических наук профессор Головкин Леонид Витальевич
Официальные оппоненты:	доктор юридических наук профессор Воскобитова Лидия Алексеевна
	кандидат юридических наук доцент Сидорова Наталья Александровна
Ведущая организация:	Тонкий Московский государственный университет

Защита состоится «25» сентября 2007г. в 15 часов 15 минут на заседании диссертационного совета К.501.001.12 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, юридический факультет, аудитория № 826.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (2-й корпус гуманитарных факультетов). Автореферат разослан «__» августа 2007г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Потапкин Д.П.

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования.

В период правовых преобразований особое значение приобретают фундаментальные положения, лежащие в основе соответствующей отрасли права и используемые для формирования содержания более конкретных правовых норм и институтов. Не составляет исключение в указанном смысле и отрасль уголовно-процессуального права с присущей ей уникальной системой руководящих идей, традиционно именуемых принципами уголовного судопроизводства. В их числе специфическое место занимает принцип публичности как начало, определяющее внутреннюю природу уголовного процесса и правовую сущность деятельности, составляющей его предмет. Особая роль публичности, обусловленная наличием у нее «способности» наиболее рельефно и стабильно отображать сущностные черты уголовного судопроизводства, на первый взгляд, должна была прочно утвердить принцип публичности в качестве «непреходящего» (с момента его появления) доктринального и правового феномена или, по крайней мере, в качестве начала, в меньшей степени подверженного влиянию субъективных факторов (законодательных преобразований, новых веяний уголовно-процессуальной теории и т.п.).

Между тем, реформирование уголовно-процессуального законодательства в период с 1990-х годов по настоящее время, включая принятие действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ, отразилось на доктринальных разработках, касающихся принципа публичности, не в меньшей мере, чем на содержании теоретических работ по иным, более «частным» и «гибким» уголовно-процессуальным проблемам. Не преувеличивая значение соответствующей проблематики, можно сказать, что принцип публичности и тесно связанные с ним вопросы (соотношение публичных и частных начал, частного, частно-публичного и публичного обвинения, частного и публичного интереса, уголовно-процессуальные элементы диспозитивности) постепенно стали объектом особо

пристального внимания уголовно-процессуальной доктрины, что нашло свое отражение в многочисленных научных публикациях, учебной и монографической литературе, диссертационных исследованиях. Количество доктринальных работ, специально посвященных рассмотрению соответствующих проблем, возрастало по мере «углубления» уголовно-процессуальной реформы и, в частности, по мере расширения уголовно-процессуальных гарантий прав частных лиц и внесения в законодательство иных изменений, направленных на либерализацию и гуманизацию уголовного судопроизводства. Подобная связанность законодательных преобразований и доктринальных изысканий объяснялась не только естественным влиянием позитивного права на науку уголовного процесса, «вынужденную» реагировать на изменения уголовно-процессуального законодательства доступными ей способами (анализ, оценка, критика, конструктивные предложения и т.п.), но и распространенной в теории идеей о непосредственном воздействии проведенной реформы на содержание принципа публичности и о существенном преобразовании последнего в результате изменения позитивного уголовно-процессуального права.

В свете указанной позиции либерализация уголовно-процессуального законодательства, ставшая характерной тенденцией его развития в конце XX - начале XXI вв., зачастую связывалась не только с расширением уголовно-процессуальных прав частных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, но и с ослаблением якобы «гипертрофированного» публичного начала уголовного процесса, расширением начала частного и все большим «внедрением» в сугубо публичную область не свойственного ей ранее принципа диспозитивности. В результате повышение внимания к доктринальному исследованию принципа публичности нередко происходило параллельно с теоретическим умалением его «статуса» и роли в современном уголовном процессе: публичность постепенно перестала восприниматься как правовое явление, необходимо присущее уголовному судопроизводству и доминирующее в нем, а в отдельных случаях

стала напрямую отрицаться в качестве одного из основополагающих уголовно-процессуальных начал.

На фоне изменившихся подходов к исследованию принципа публичности актуальным становится рассмотрение его без непосредственной привязки к конкретным, регулярно сменяемым положениям уголовно-процессуального законодательства, то есть как общетеоретического начала, имеющего определенное «непреходящее» содержание и не подверженного в указанной части возможностям субъективного, в том числе законодательного, ослабления, упразднения или уравнивания с иными (как противоположными, так и сопутствующими) процессуальными явлениями. Актуальность исследования принципа публичности предопределяется и появлением в уголовно-процессуальной доктрине, длительное время отличавшейся относительным совпадением мнений по данной проблематике, кардинально противоположных подходов к оценке принципа публичности (отмеченная выше тенденция доктринального ослабления публичного начала была указана как наиболее очевидная, но отнюдь не единственная). Упорядочение и анализ разнообразных теоретических разработок по данному вопросу в сопоставлении с положениями действовавшего и действующего законодательства, с одной стороны, и применением «антипозитивистского» подхода, с другой, обеспечивает возможность обнаружения того сущностного наполнения принципа публичности, актуальность и значимость которого проявляет себя в любой период развития уголовно-процессуального права и который может и должен учитываться законодателем и правоприменителем в качестве базы для разрешения «частных» уголовно-процессуальных проблем.

Степень научной разработанности темы исследования.

Принцип публичности традиционно рассматривался уголовно-процессуальной доктриной при освещении вопросов различной степени общности: общетеоретических проблем уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальных гарантий, уголовного

преследования, принципов уголовного процесса, собственно принципа публичности и соприкасающейся с ним тематики. Исследование принципа публичности в рамках настоящей работы базировалось на общетеоретических и специальных трудах представителей уголовно-процессуальной науки конца XIX - начала XX вв. (Н.В. Муравьева, Н.Н. Полянского, Н.Н. Розина, В.К. Случевского, Н.С. Таганцева, Д.Г. Тальберга, Л.Я. Таубера, И.Я. Фойницкого, А. Фон-Резона и др.), а также теоретиков советского и современного российского уголовного процесса (С.А. Альперта, В.П. Божьева, Л.А. Воскобитовой, Б.А. Галкина, И.М. Гальперина, Л.В. Головки, К.Ф. Гуценко, П.М. Давыдова, Т.Н. Добровольской, Л.М. Карнеевой, СИ. Катъкало, А.М. Ларина, В.З. Лукашевича, Я.О. Мотовиловкера, И.Л. Петрухина, Н.А. Сидоровой, А.В. Смирнова, М.С. Строговича, Б.А. Филимонова, М.А. Чельцова, П.С. Элькинд и др.).

При написании диссертационного исследования были использованы научные разработки, специально посвященные принципу публичности (соотношению публичных и частных начал, принципу диспозитивности) и относящиеся к современному периоду развития уголовно-процессуальной доктрины, включая диссертационные работы А.С. Александрова, С.Г. Бандурина, А.С. Барабаша, И.С. Дикарева, С.А. Касаткиной, Л.Н. Масленниковой, Л.А. Межениной, Л.А. Названовой, О.И. Роговой (Андреевой), А.В. Федулова, А.А. Шамардина, В.Е. Шматановой и др.

Комплексный характер исследования предопределил необходимость анализа смежных проблем гражданского, гражданского процессуального, материального уголовного права и обращение к работам представителей соответствующих областей юридической науки (АТ. Боннера, МИ. Брагинского, ЕВ. Васьковского, ЮС. Гамбарова, С.Г. Келиной, О.А. Красавчикова, В.Н. Кудрявцева, И.С. Самощенко, М.Х. Факрушина, П.А. Фефелова, В.М. Шерстюка, Г.Ф. Шершеневича и др.). В процессе выработки методов исследования и освещения правовых вопросов межотраслевого характера использовались идеи представителей философской науки и теоретиков права. В совокупности с трудами

специалистов уголовно-процессуальной и других отраслевых юридических наук данные работы сформировали научную основу настоящего исследования.

Целью исследования является выявление правовой сущности публичности как общетеоретического принципа уголовного судопроизводства, существующего независимо от официального признания его законодателем и безотносительно к специфическим (преходящим, национальным и т.д.) особенностям формулирования; разрешение вопроса о влиянии принципа публичности на природу уголовного судопроизводства; установление места публичного интереса в иерархии ценностей, защищаемых уголовно-процессуальным законодательством.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи исследования:

1. Выявить совокупность элементов, безусловно необходимых для функционирования принципа публичности, обособив их от черт, не влияющих на его существование, и признаков, характеризующих принцип публичности с внешней (формальной) стороны.
2. Определить место принципа публичности в разработанных юридической наукой системах классификации правовых принципов, рассмотрев значение классификационной характеристики для доктринального и официального признания публичности принципом уголовного судопроизводства.
3. Раскрыть и исследовать роль публичного интереса в формировании принципа публичности, определив специальное уголовно-процессуальное содержание категории «публичный интерес» и способы его законодательного закрепления, разрешить вопрос о соотношении публичного интереса с частным в рамках принципа публичности и иных уголовно-процессуальных начал и институтов.

4. Установить факторы, влияющие на возможность отступления от принципа публичности, и определить пределы допущения в уголовный процесс элементов диспозитивности, разграничив их от схожих квазидиспозитивных проявлений.

5. Проанализировать соотношение принципа публичности с иными процессуальными и материально-правовыми началами, установив точки их соприкосновения и выявив собственное (автономное) содержание принципа публичности.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания: анализ и синтез, методы индуктивных и дедуктивных умозаключений, положения диалектики о соотношении общего и частного, связи формы и содержания. В целях обеспечения комплексного характера исследования использованы исторический, логический, сравнительно-правовой методы, а также системный подход к изучению рассматриваемых проблем.

Объект исследования: уголовно-процессуальное право в разрезе положений, касающихся содержания принципа публичности и связанных с ним теоретических проблем, в том числе процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, оснований осуществления уголовно-процессуальной деятельности, целей и задач уголовного судопроизводства, объектов уголовно-процессуальной охраны; иные отрасли права в контексте положений, определяющих содержание общеправовых, межотраслевых и специальных принципов, соприкасающихся с принципом публичности.

Предмет исследования: теоретические разработки отечественной и зарубежной уголовно-процессуальной доктрины по теме исследования; уголовно-процессуальные нормы и правовые институты, нашедшие закрепление в законодательстве различных исторических периодов; положения уголовного и гражданского процессуального законодательства и соответствующие им доктринальные конструкции наук материального уголовного и гражданского процессуального права с точки зрения проблем, связанных с

исследования; теоретический материал философии и теории государства и права в части основ, используемых для разрешения специальных отраслевых вопросов.

Научная новизна исследования обусловлена комплексным рассмотрением связанных с принципом публичности проблем с применением различных методов их исследования: выявлением содержания принципа публичности на основе аналитическо-синтетического метода, определением классификационных характеристик принципа публичности с использованием атрибутивного подхода, изучением роли публичного интереса с применением исторического метода - в контексте «этапов» становления принципа публичности, установлением границ действия публичного начала на базе сравнительного анализа содержания иных правовых принципов.

В соответствии с результатами проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Теоретическая основа исследования принципа публичности должна заключаться в последовательном применении к нему аналитическо-синтетического и атрибутивного методов познания. Их специфика обуславливает необходимость разграничения понятий «элемент» и «признак» принципа публичности и предопределяет неодинаковое значение элементов и признаков для выявления сущности публичного начала: элементы есть составляющие, имманентно присущие принципу публичности и образующие его содержание; признаки - классификационные характеристики, влияющие на положение публичности в системе принципов уголовного судопроизводства.
2. Принцип публичности представляет собой органичное сочетание четырех элементов, формирующих его содержание: субъектной сферы реализации принципа публичности (проявляется в деятельности государственно-властных субъектов, уполномоченных действовать от имени государства); оснований действий в соответствии с принципом публичности (ведение производства по делу в силу должностных полномочий и независимо от усмотрения отдельных лиц и организаций);

действий, осуществляемых в соответствии с принципом публичности (действия «обвинительной», «оправдательной» и «нейтральной» направленности, дискреционного и императивного характера, влияющие и не влияющие на движение производства по делу); целевой направленности совершаемых действий (защита публичных интересов государства и общества). Публичность в равной мере проявляет себя при принятии должностными лицами подавляющего большинства процессуальных решений, поэтому необходимость и целесообразность в выделении в рамках определения принципа публичности конкретного перечня реализуемых в соответствии с ним полномочий отсутствует.

3. Публичность представляет собой специальный (отраслевой) принцип, сфера действия которого ограничивается рамками уголовного судопроизводства. Публичные составляющие, присущие иным отраслям права, не образуют самостоятельного правового принципа и являются следствием публичной природы права в целом и отраслей публичного права в частности. С указанных позиций обосновано неодинаковое значение публичных характеристик различных отраслей права и «тройственный» характер публичной природы права уголовно-процессуального: как любой иной отрасли права, как отрасли публичного права и как отрасли, построенной в соответствии с принципом публичности.

4. Принцип публичности находит отражение в подавляющем большинстве уголовно-процессуальных норм за отдельными незначительными исключениями. Законченное нормативное формулирование принципа публичности с выделением его в самостоятельную статью кодекса и включением в главу о принципах уголовного судопроизводства является нецелесообразным и невозможно без значительного ущерба его содержанию. Отсутствие легального определения принципа публичности не умаляет его «принципиального» значения и не влияет на объективное существование публичности как основы уголовно-процессуальной деятельности.

5. Основным и исторически первичным элементом, положившим начало формированию публичности как принципа уголовного судопроизводства, является «элемент публичного интереса». На примере анализа различных подходов к определению процессуальных способов его защиты, а также с учетом специфики «присоединения» к данному элементу иных составляющих публичности обосновано неодинаковое по степени развитие публичного начала в континентальном и англосаксонском уголовном процессе, а также возрастание значения государственно-властной (официальной) составляющей по мере становления и укрепления принципа публичности.

6. Разграничение понятий о публичном и частном с точки зрения уголовно-процессуальной политики и уголовно-процессуальной техники обуславливает самостоятельный характер публичного и частного интереса и необходимость их категориального обособления. Принцип публичности выражает императив преимущественной защиты публичного интереса в юридико-техническом смысле (интереса государства и общества); защита частного интереса (интереса личности) выступает непосредственным объектом иных уголовно-процессуальных начал (принципов) и с точки зрения принципа публичности имеет производный и вторичный характер.

7. Содержание публичного интереса является сходным с содержанием категорий целей и задач (назначения) уголовного судопроизводства. Построение уголовного процесса в соответствии с принципом публичности предопределяет объективную направленность его задач на приоритетную защиту публичного интереса независимо от субъективного подхода законодателя к их легальному определению (выраженному, например, в ст.6 УПК РФ). Официальное формулирование задач через призму интересов частного характера обусловлено необходимостью искусственного ослабления объективно доминирующей публичной составляющей и повышением внимания к проблемам прав личности в уголовном судопроизводстве.

8. Противоположное публичности начало диспозитивности проявляется в уголовном процессе в виде отдельных исключений и только в деятельности частных лиц. Необходимым признаком уголовно-процессуальной диспозитивности является наличие у частного субъекта возможности своим волеизъявлением (независимо от усмотрения государственно-властного субъекта) предопределять возникновение и завершение производства по делу. Предоставление частным лицам прав иного характера и либерализация уголовного процесса в целом не имеют отношения к принципу диспозитивности, не противоречат принципу публичности и не влекут за собой ограничение сферы действия последнего.

9. Содержание принципа публичности не сводимо к содержанию иных принципов уголовного судопроизводства, в том числе принципа законности. Принципы законности и публичности существуют в различных правовых плоскостях и характеризуют взаимосвязанные, но отличные аспекты уголовно-процессуальной деятельности, ее формальную и сущностную сторону. Специфической чертой принципа публичности является возможность отхода от него в условиях строгого соблюдения принципа законности, то есть отсутствие характерной для других принципов безусловной зависимости между нарушением принципа, закрепленного законом, и нарушением принципа законности.

10. Специфическими формами проявления принципа публичности на начальном этапе производства по уголовному делу являются воспринятые различными процессуальными системами начала легальности и целесообразности уголовного преследования. Обязанность возбуждения уголовного дела и осуществления уголовного преследования в каждом случае обнаружения признаков преступления не является безусловно присущей принципу публичности и может быть включена в его содержание только при построении уголовного процесса в соответствии с принципом легальности. Общетеоретический подход к пониманию принципа публичности, применимый к

процессуальным системам любого типа, диктует отказ от неперемного упоминания данной обязанности при формулировании определения и раскрытии содержания принципа публичности.

11. Публичность представляет собой судопроизводственный принцип, не имеющий аналогов в отраслях материального права. Принцип неотвратимости уголовной ответственности не является материальным отражением процессуального принципа публичности: публичное начало реализует себя независимо от признания правовой системой принципа неотвратимости уголовной ответственности, а в случае признания - независимо от последующего перехода к его реализации (например, при вынесении оправдательного приговора).

12. Обосновано определение принципа публичности как основополагающего уголовно-процессуального начала, в соответствии с которым субъекты, ведущие производство по уголовному делу, обязаны совершать процессуальные действия и принимать процессуальные решения в силу возложенных на них должностных полномочий, независимо от усмотрения отдельных лиц и организаций, самостоятельно обеспечивая возникновение уголовного дела, его развитие и разрешение по существу, действуя от имени государства в публичных интересах достижения целей уголовного судопроизводства и решения задач, поставленных уголовно-процессуальным законодательством.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования обосновываемого подхода к определению содержания принципа публичности при проведении законодательных преобразований, направленных на реформирование производных от публичного начала правовых институтов, а также в процессе правоприменительной практики — для восполнения пробелов уголовно-процессуального законодательства, уяснения смысла «противоречивых» уголовно-процессуальных норм и

разрешения коллизионных вопросов, связанных с конфликтом конкурирующих правовых явлений (публичности и элементов диспозитивности, публичного и частного интересов).

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на научно-практической конференции 23-24 марта 2006г., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Д.С. Карева (МГУ им. МВ. Ломоносова). По теме диссертации написаны и опубликованы две научные статьи. Диссертация докладывалась и обсуждалась на заседании кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ им. М.В. Ломоносова. Отдельные вопросы диссертации были использованы автором при проведении практических занятий со студентами юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова по курсу уголовного процесса.

Структура диссертации обусловлена целью исследования и вытекающими из нее задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих 9 параграфов, заключения и списка использованных правовых и монографических источников.

II. Содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы исследования; определяются цели и задачи, объект и предмет исследования; раскрывается его методологическая основа, степень научной разработанности; аргументируется научная новизна и практическая значимость; формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Элементы и признаки принципа публичности» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Понятие элементов и признаков принципа публичности как методологическая основа его исследования» автор обосновывает необходимость применения при исследовании принципа публичности методологической основы,

закрывающейся в последовательном использовании аналитическо-синтетического и атрибутивного методов познания.

Аналитическо-синтетический метод характеризуется как двустадийный: на первой стадии (анализ) объект исследования (принцип публичности) расчленяется на составляющие его части, именуемые элементами, каждый из которых изучается обособленно и наполняется уточненным содержанием; на второй стадии (синтез) выделенные элементы в их скорректированном виде объединяются воедино и в совокупности формируют новое, более глубокое понимание принципа публичности. Категория «элемент принципа публичности», выделяемая в процессе применения аналитическо-синтетического метода, определяется как конструктивная единица, безусловно необходимая для существования и функционирования принципа публичности и образующая в совокупности с иными элементами его содержание.

Конкретные элементы принципа публичности выделяются путем расчленения на составляющие части наиболее типичных и распространенных в науке уголовного процесса определений принципа публичности. К числу его элементов в работе относятся: 1) субъектная сфера реализации принципа публичности; 2) основания действий в соответствии с принципом публичности (в силу должностных полномочий и независимо от усмотрения отдельных лиц и организаций); 3) содержание действий, осуществляемых на основе принципа публичности; 4) цели действий в соответствии с принципом публичности (защита публичных интересов государства и общества). Три первых элемента характеризуются автором как процессуально-технические, последний (элемент публичного интереса) как основообразующий - элемент наиболее высокой степени общности, базисный по отношению ко всем остальным. В работе обосновывается цель выделения элементов принципа публичности и применения аналитическо-синтетического метода, которая заключается в возможности разграничения существенных, имманентно присущих публичности черт, объективно необходимых для формирования ее содержания,

и случайных, несущественных характеристик, отсечение которых не повлияет на правильное понимание сущности публичного начала и не обеднит его.

Установление на основе аналитическо-синтетического метода содержания принципа публичности создает условия для перехода ко второму - атрибутивному - методу исследования. Смысл его состоит в определении признаков (атрибутов), присущих принципу публичности, но не входящих составными частями в его содержание. Категория «признак принципа публичности», выделяемая в процессе применения атрибутивного метода, рассматривается как характеризующая принцип публичности с внешней (формальной) стороны и устанавливающая его место в разработанных теорией уголовного процесса системах классификации принципов. В работе анализируются критерии, в соответствии с которыми осуществляется классификация уголовно-процессуальных начал и на основе которых предварительно выделяются возможные классификационные характеристики принципа публичности в качестве его признаков.

По итогам рассмотрения предложенной методологии делается вывод о возможности установления на ее основе содержания (совокупность элементов) и формы (совокупность признаков) принципа публичности и выявления его сущности как внутренней природы, имманентно присущего ему свойства.

Второй параграф «Процессуально-технические элементы принципа публичности» подразделяется на три подпункта, в каждом из которых раскрывается содержание соответствующего процессуально-технического элемента.

В подпункте «а» «Субъектная сфера реализации принципа публичности» анализируются положения уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной доктрины на предмет определения круга лиц, обладающих возможностью (обязанностью) действовать в силу принципа публичности. По итогам их изучения автором делается вывод, что в отечественном и зарубежном уголовном процессе субъектами, реализующими в своей деятельности принцип публичности (начало их

officio), признаются государственные органы и должностные лица, ведущие от имени государства производство по делу. В работе выделяются и рассматриваются отдельные характеристики статуса государственно-властных субъектов, которые оцениваются как необходимые предпосылки для осуществления ими принципа публичности: специфика процессуального статуса, определяемая сведением его составляющих к государственно-властным полномочиям и ответственности за их надлежащее исполнение; официальный характер деятельности, предполагающий ее «обезличивание» и исхождение от имени единого субъекта (государства); производный характер полномочий, обусловленный происхождением их от первичной монопольной функции государства по осуществлению борьбы с преступностью; отсутствие личной заинтересованности в разрешении возникающих в ходе производства по делу вопросов; предметная связанность властных полномочий с деятельностью, осуществляемой в ходе уголовного судопроизводства. Невозможность присвоения аналогичных характеристик частным лицам позволяет сделать вывод о необходимости исключения их из субъектной сферы реализации принципа публичности, которая приобретает тем самым ярко выраженный государственно-властный характер.

В подпункте «б» «Основания действий в соответствии с принципом публичности (в силу должностных полномочий и независимо от усмотрения отдельных лиц и организаций)» рассматривается значение деятельности по долгу службы и содержание понятия «должностные полномочия». Приводятся конкретные положения уголовно-процессуального законодательства, формулирующие «права», «обязанности» и «полномочия» должностных лиц, ведущих производство по делу. По итогам их анализа делается вывод об отсутствии у государственно-властных субъектов прав и обязанностей как таковых и о намеренном использовании законодателем «управомочивающих» конструкций с целью предоставления правоприменителю более широких возможностей оценки условий, определяющих выбор того или иного варианта действий. Фактическое

полномочие как единство прав и обязанностей искусственно трансформируется в т.н. «право», за счет чего законодателем акцентируется внимание на необходимости осуществления правоприменителем деятельности в соответствии со своим внутренним убеждением.

Осуществление действий независимо от усмотрения отдельных лиц и организаций понимается автором как независимость от частного усмотрения всего производства по делу, противопоставляемого порядку реализации отдельных должностных полномочий. В работе рассматриваются случаи, при которых конкретные полномочия осуществляются должностными лицами в связи с изъявлением частным субъектом своей воли (разрешение отвода, ходатайства), что не ограничивает сферу действия принципа публичности и не противоречит ему. Причину существования полномочий данного типа автор видит в специфике уголовно-процессуальных отношений, предполагающих обязательное участие государственно-властного субъекта и содействие его частному лицу в реализации прав и законных интересов последнего.

В подпункте «в» «Содержание действий, осуществляемых в соответствии с принципом публичности» обосновывается неправомерность одностороннего подхода к пониманию принципа публичности - как начала, связанного с осуществлением должностными лицами полномочий, охватываемых понятием уголовного преследования. По итогам анализа различных способов разграничения уголовно-процессуальных действий автор приходит к выводу о подчинении принципу публичности подавляющего большинства полномочий должностных лиц - имеющих обвинительную, оправдательную и нейтральную направленность, императивный и дискреционный характер, влияющих и не влияющих на движение производства по делу. Единственным основанием для исключения полномочия должностного лица из числа реализуемых в соответствии с принципом публичности является «зависимость» порядка его осуществления от усмотрения частного субъекта (частное усмотрение как необходимое и достаточное

условие для осуществления полномочия). При этом автором разграничиваются полномочия должностных лиц, влияющие на существование производства по делу (возбуждение, прекращение дела), и полномочия более «частного» характера. Подчинение частному усмотрению полномочий первого порядка оценивается в работе как отступление от принципа публичности (сужение сферы его действия); подчинение частному усмотрению полномочий второго порядка - как явление, нейтральное с точки зрения принципа публичности и не противоречащее ему.

В третьем параграфе «Признаки принципа публичности» рассматриваются те классификационные характеристики, которые приобретают особую значимость для правильной оценки принципа публичности и получают неоднозначную оценку в уголовно-процессуальной доктрине.

Подпункт «а» «Публичность уголовного судопроизводства как отраслевой (уголовно-процессуальный) и судопроизводственный (функциональный) принцип» начинается с анализа различных подходов к определению количества тех отраслей права, руководящим положением которых признается принцип публичности. По итогам анализа межотраслевого и общеотраслевого понимания принципа публичности автор приходит к выводу, что они являются результатом лексической ошибки, следствием некорректного смешения различных по содержанию явлений, обозначаемых едиными терминами: публичность как свойство права вообще, публичность как характеристика публичных отраслей права и публичность как принцип правовой отрасли. В работе обосновывается необходимость признания публичности специальным принципом уголовного судопроизводства, отсутствующим в таком качестве (как совокупность составляющих его элементов) во всех иных правовых отраслях, а также о «тройной» публичной природе права уголовно-процессуального — как права вообще, как публичной отрасли права и как отрасли, построенной в соответствии с принципом публичности.

В подтверждение сделанного вывода автором рассматривается характеристика принципа публичности как судопроизводственного (функционального) начала, предполагающего, что публичность, с одной стороны, не может являться принципом отраслей материального права (в т.ч. публичных); и с другой, не может быть признана принципом всех процессуальных отраслей, как бы «публичны» они ни были (в качестве примера приводится «публичное» гражданское процессуальное право, построенное по принципу диспозитивности).

Подпункт «б» «Публичность уголовного судопроизводства как принцип, закрепленный на законодательном уровне и не относящийся к числу конституционных начал» основан на использовании в качестве критерия классификации правовых принципов способа и источника их нормативного закрепления. С точки зрения способа нормативного закрепления применительно к действующему уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации публичность характеризуется как принцип, не включенный в число официально провозглашенных в Главе 2 УПК РФ основных начал и не сводимый к тексту единой статьи (или нормы) кодекса. В работе рассматриваются многочисленные положения действующего законодательства, являющиеся нормативной базой принципа публичности, и обосновывается идея об избрании законодателем наиболее оптимального способа его правового закрепления: нормативной базой принципа публичности признается подавляющее большинство уголовно-процессуальных норм, регламентирующих полномочия должностных лиц, реализуемые независимо от усмотрения частных субъектов. Автор особо подчеркивает отсутствие необходимости в изменении уголовно-процессуального законодательства путем включения в Главу 2 УПК РФ отдельной статьи, посвященной принципу публичности, и делает вывод о необходимости признания публичности принципом, формализованное законодательное закрепление которого приведет к значительному ущербу его действительному содержанию.

С точки зрения источника нормативного закрепления принцип публичности характеризуется как специальный (закрепленный на уровне специального федерального закона) и не относящийся к числу конституционных. Автор обосновывает идею о недопустимости признания многочисленных конституционных положений «общего характера» (защита государством прав личности, обеспечение доступа к правосудию и т.п.) нормативной формулировкой принципа публичности, поскольку они не раскрывают содержания основных его элементов и являются правовой базой иных уголовно-процессуальных начал. В работе особо подчеркиваются негативные последствия возведения принципа публичности в ранг конституционных (путем «привязки» к нормам действующей Конституции РФ): смешение содержания публичности с содержанием иных уголовно-процессуальных принципов, укоренение в науке неоправданно размытого понимания принципа публичности и выхолащивание собственно публичного, действительного его «наполнения».

Вторая глава «Публичный интерес как основообразующий элемент принципа публичности» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Теоретическое значение элемента публичного интереса для раскрытия содержания принципа публичности» формулируется идея о необходимости обособления элемента публичного интереса в числе иных составляющих принципа публичности и признания его исторически первичным, основообразующим элементом публичного начала. Особое значение элемента публичного интереса иллюстрируется в работе в контексте последовательного анализа: - оснований разграничения преступлений на преследуемые в порядке частного, частно-публичного и публичного обвинения; - соотношения института народного обвинения и принципа публичности; - процесса исторического становления принципа публичности; - отдельных подходов к исследованию принципа публичности, распространенных в уголовно-процессуальной доктрине; - оснований разграничения сфер публичного и частного права.

В процессе анализа оснований выделения дел частного, частно-публичного и публичного обвинения в работе обосновывается идея о том, что именно характером интереса (публичный - частный) определяется построение производства по делу в соответствии с тем или иным процессуальным принципом (в рамках антиномии публичность - диспозитивность). При этом публичность признается принципом уголовного процесса и в тех случаях, когда процессуальной системой допускается институт народного обвинения, т.е. когда первый процессуально-технический элемент публичности (государственный субъект) не является безусловно необходимым, а в отдельных случаях и вовсе отсутствует (до появления официального уголовного преследования).

Анализ процесса приобретения принципом публичности своих составляющих позволяет автору сделать вывод об исторически первичном характере элемента публичного интереса. Зарождение принципа публичности происходило в связи с осознанием публичного интереса в преследовании преступлений и осуществлялось одинаково во всех процессуальных системах: первоначально средством реализации публичного интереса выступал институт народного обвинения (в тех или иных его вариантах), впоследствии народная защита публичного интереса стала вытесняться официальной (элемент публичного интереса начал дополняться государственно-властной составляющей). Полное «вытеснение» народного обвинения в континентальном уголовном процессе привело к окончательному формированию в нем принципа публичности в его завершенном виде; в англосаксонском процессе народное обвинение теоретически продолжило свое существование, что обусловило более медленное развитие принципа публичности и фактическое сведение его содержания к элементу публичного интереса. Окончательное формирование принципа публичности в англосаксонском процессе еще не состоялось и происходит в настоящее время - по мере постепенного

сужения сферы применения института народного обвинения и монополизации официальными субъектами деятельности по защите публичного интереса.

В завершение параграфа основообразующий характер элемента публичного интереса в рамках иных составляющих принципа публичности рассматривается через призму специфики публичных отраслей права. Автором формулируется вывод о том, что, несмотря на различие в понимании публичности как принципа судопроизводства и как характеристики публичных отраслей права, основная идея уголовно-процессуального принципа публичности должна быть заимствована из основной идеи публичных отраслей права. Таковой в работе признается идея доминирования и превалирующей роли публичного интереса, положенная в основу принципа публичности и являющаяся отправной точкой для формирования иных его элементов.

Во втором параграфе «Публичный интерес: понятие, соотношение с частным интересом и их разграничение в контексте уголовно-процессуальной политики и уголовно-процессуальной техники» определяются границы «включенности» категории «публичный интерес» в содержание принципа публичности. Автором формулируется и обосновывается идея о необходимости разграничения собственно содержания публичного интереса, носящего объективный характер, и осознания данного содержания законодателем (правоприменителем), происходящего под влиянием субъективных факторов. Публичный интерес как элемент принципа публичности обособляется от иных интересов публичного характера, не имеющих отношения к уголовно-процессуальному праву и выступающих объектом охраны других правовых отраслей. Субъектами (носителями) публичного интереса признаются государство и общество, при этом особо акцентируется внимание на наличии у государства способности иметь в рамках уголовного судопроизводства свой собственный публичный интерес, который, будучи официально тождественным интересу общественному, фактически может не совпадать с

В работе анализируются различные подходы к соотношению публичных и частных интересов, выработанные уголовно-процессуальной доктриной, в том числе идеи о необходимости включения частного интереса в содержание интереса публичного (для более «активной» защиты первого), а также о приобретении частным интересом статуса публичного в результате официального признания его законодателем и обеспечения уголовно-процессуальными средствами защиты. Автор приходит к выводу, что подобные подходы являются результатом игнорирования доктриной принципиальных различий в понимании антиномии «публичное - частное» при рассмотрении ее через призму уголовно-процессуальной политики, с одной стороны, и уголовно-процессуальной техники, с другой. С точки зрения правовой (в т.ч. уголовно-процессуальной) политики, любой защищаемый законом интерес публичен, поскольку государство, закрепляя определенное благо на правовом уровне, официально признает свою публичную заинтересованность в его обеспечении и защите. При этом с юридико-технической точки зрения, некоторые из «публичных» интересов формулируются законодателем в качестве частных, т.е. персонифицированных и включенных составным элементом в категорию правового статуса личности. Учет указанных факторов диктует необходимость четкого разграничения публичных и частных интересов как автономных правовых явлений (в контексте уголовно-процессуальной техники) и недопустимость включения их в единую правовую категорию - независимо от возможного содержательного совпадения между ними.

В завершение параграфа автором обосновывается идея о необходимости признания элементом принципа публичности исключительно публичного интереса в юридико-техническом понимании этого термина, т.е. собственно интереса государства и общества, и о возможности разграничения процессуальных начал, в рамках которых осуществляется непосредственная защита интересов публичного и частного характера. Принцип публичности рассматривается как императив преимущественной защиты публичного

интереса (и опосредованной защиты интереса частного); иные уголовно-процессуальные принципы (презумпция невиновности, принцип уважения чести и достоинства и др.) — как направленные на непосредственную защиту интересов личности. Принцип публичности не противоречит «принципам защиты частных интересов»: они обуславливают и сопровождают друг друга, так как обеспечиваются одними и теми же субъектами на протяжении всего периода производства по делу.

В третьем параграфе «Уголовно-процессуальное содержание публичного интереса» категория публичного интереса соотносится с иными правовыми категориями доктринального и законодательного характера с целью установления действительного содержания, вкладываемого в понятие «публичный интерес как элемент принципа публичности». Автор приходит к выводу, что наибольшее содержательное сходство публичный интерес имеет с процессуальными категориями задач (назначения) и целей уголовного судопроизводства и материально-правовой категорией целей наказания. В первом случае (задачи и цели судопроизводства) сходство характеризуется как необходимое: публичный интерес есть ценность, на защиту которой направлено все производство по уголовному делу, т.е. его защита должна быть признана (в зависимости от степени общности) целью или задачей уголовного процесса; во втором случае (цели наказания) сходство является случайным: защита публичного интереса может не сопровождаться последующим применением института наказания и переходом к реализации целей последнего (прекращение дела, вынесение оправдательного приговора).

В работе анализируются конкретные положения действовавшего и действующего уголовно-процессуального законодательства на предмет содержания, вкладываемого в официальное понимание категорий задач и назначения уголовного судопроизводства. По итогам их анализа автор констатирует, что с принятием действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ законодателем была произведена переориентация задач уголовного судопроизводства с защиты публичных на защиту частных интересов: из

числа указанных в ст.6 УПК РФ задач («назначения») с содержанием публичного интереса в юридико-техническом смысле соотносятся только задачи «назначения виновным справедливого наказания» и «отказа от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания»; иные виды «назначения» направлены на преимущественную защиту частных (в юридико-техническом смысле) интересов.

Произведенная переориентация расценивается автором позитивно, как направленная на повышение внимания к проблеме защиты прав личности и призванная произвести положительный психологический эффект на правоприменителя. В то же время автором формулируется и обосновывается идея о наличии сущностной связи между задачами (назначением) уголовного процесса и деятельностью по защите юридико-технического публичного интереса. Данная связь рассматривается как объективно и имманентно присущая уголовному судопроизводству, которое в силу своей публичной природы всегда будет направлено на приоритетную защиту интересов публичного характера - независимо от официального подхода законодателя к определению задач уголовного процесса в конкретный исторический период. Установление приоритетности защиты интересов личности в уголовном процессе имеет в большей степени декларативный характер: ввиду отсутствия естественной связи между частным интересом и задачами уголовного процесса законодатель искусственно создает ее при помощи позитивного права; применительно к публичному интересу данная связь носит необходимый и естественный характер и в рамках уголовного судопроизводства доминирует независимо от ее официального признания.

В завершение второй главы в работе формулируется авторское определение принципа публичности, основанное на совокупности рассмотренных процессуально-технических элементов в их сочетании с основообразующим элементом публичного интереса. Публичность определяется как уголовно-процессуальный принцип, в силу которого субъекты, ведущие производство по делу, обязаны совершать процессуальные

действия и принимать процессуальные решения в силу возложенных на них должностных полномочий, независимо от усмотрения частных лиц и организаций, самостоятельно обеспечивая возникновение уголовного дела, его развитие и разрешение по существу, действуя от имени государства в публичных интересах достижения целей уголовного судопроизводства и решения задач, поставленных уголовно-процессуальным законодательством.

Третья глава «Соотношение принципа публичности уголовного судопроизводства с иными принципами права» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Соотношение принципа публичности с принципом диспозитивности» ставится цель установления критериев, позволяющих отнести определенное уголовно-процессуальное действие (право) к числу уголовно-процессуальных проявлений принципа диспозитивности. Автор исходит из того, что в уголовном судопроизводстве, в целом построенном в соответствии с принципом публичности, диспозитивность ни при каких обстоятельствах не может быть признана основным началом (принципом) процесса и должна допускаться локально, в строго ограниченных случаях — как исключение из доминирующего начала публичности. Публичность и диспозитивность рассматриваются как противоречащие друг другу и взаимоисключающие явления, одновременное проявление которых в рамках одного и того же процессуального действия является объективно невозможным, в связи с чем в работе негативно оцениваются предложения о признании и закреплении в законодательстве процессуальных принципов «смешанного» характера - принципа сочетания частных и публичных начал (в различных его вариациях и формулировках).

Анализ классических подходов к исследованию принципа диспозитивности, распространенных в науке гражданского процесса, позволяет автору сделать вывод о тесной связанности природы диспозитивности с явлениями частного характера (свободное усмотрение, действие в своих интересах, защита своих прав и др.) и о невозможности

проявления диспозитивного начала (даже в ограниченных пределах) в действиях государственных органов и должностных лиц, ведущих производство по делу. Субъектная сфера реализации принципа диспозитивности имеет сугубо частный характер: проявления принципа диспозитивности в уголовном процессе связываются исключительно с деятельностью граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

В работе обосновывается важность четкого определения критериев «допуска» в уголовный процесс элементов диспозитивности ввиду неизбежности отказа в указанных случаях от базисного и доминирующего начала публичности. В качестве такого критерия автор предлагает рассматривать наличие у частного лица возможности своим волеизъявлением влиять на возникновение и прекращение производства по делу. Более широкое понимание диспозитивности (возможность частных лиц распоряжаться любыми правами) оценивается в работе негативно как влекущее за собой смешение понятий «диспозитивность» и «субъективное право» (в последнем в силу его сущности изначально заложена возможность свободной «распоряжаемости»).

Распространенный в теории взгляд на диспозитивность как на свободу распоряжения теми правами, которые влияют на движение производства по делу, рассматривается и анализируется с точки зрения действий т.н. движущего характера. По итогам их рассмотрения обосновывается идея о квазидиспозитивном характере указанных прав и о невозможности признания их собственно диспозитивными проявлениями: любое право, будучи реализовано, неизбежно влияет на движение производства по делу (разница состоит лишь в степени влияния). В гражданском процессе институты, традиционно связываемые с движением дела по воле сторон (апелляционное, кассационное производство), имеют принципиальные отличия от аналогичных институтов уголовно-процессуального права: возможность частного лица распорядиться судьбой жалобы (подать и отозвать ее) сопровождается возможностью распорядиться процессуальной судьбой дела (прекратить его путем отказа от иска, признания иска, заключения мирового

соглашения). В уголовном процессе существование дела и производства по нему не зависит от позиции частных субъектов, в связи с чем диспозитивность, равная по силе и по смыслу классической гражданско-процессуальной диспозитивности, появляется в сфере уголовного процесса лишь тогда, когда частному лицу предоставляется возможность влиять на существование производства по делу в целом (предопределять его возникновение или прекращение).

В завершение параграфа формулируется вывод об отсутствии какой-либо связи между процессом гуманизации и либерализации уголовного судопроизводства, с одной стороны, и процессом расширения диспозитивных начал и ослабления принципа публичности, с другой. Количество проявлений принципа диспозитивности (случаев, при которых возбуждение и прекращение уголовного дела определяется волей частного лица) на протяжении различных периодов развития уголовно-процессуального законодательства остается относительно стабильным. Иные изменения уголовно-процессуального законодательства (связанные с расширением прав частных лиц, не влияющих на возникновение и прекращение производства по делу) не противоречат основной идее публичности и не несут в себе исключаящего либо ослабляющего публичность диспозитивного начала.

Во втором параграфе «Соотношение принципа публичности с общеправовым принципом законности» приводятся аргументы в пользу позиции о самостоятельном содержании принципа публичности уголовного судопроизводства и недопустимости отождествления его с общеправовым принципом законности.

В качестве одного из отличий принципов публичности и законности в работе рассматривается неодинаковый круг субъектов, подчиненных действию соответствующих принципов: публичность проявляется в действиях государственных органов и должностных лиц, законность (в широком смысле) есть требование, адресованное всем субъектам права. Автором обращается внимание на недостатки легального определения

принципа законности в ст. 7 действующего УПК РФ (как требования соблюдения законов исключительно должностными лицами) и обосновывается довод о рассредоточении нормативной формулировки «широкого понимания» принципа законности по отдельным статьям и главам кодекса.

Автономное содержание принципов публичности и законности подчеркивается равным по силе проявлением принципа законности как в тех случаях, когда производство по делу осуществляется в соответствии с принципом публичности, так и в тех исключительных ситуациях, когда действие публичного начала «парализуется» допущением в уголовный процесс элементов диспозитивности. Законность рассматривается автором как непрерывно и постоянно функционирующий принцип, не имеющий, в отличие от принципа публичности, законной (допускаемой нормами уголовно-процессуального законодательства) альтернативы.

По итогам сопоставительного анализа принципов публичности и законности в работе делается вывод о существовании концептуальных различий в их содержании и о возможности отступления от принципа публичности в условиях строгого соблюдения принципа законности. Данная возможность расценивается в работе как уникальная для системы принципов «публичность - законность» и обуславливается включением в содержание принципа публичности элемента публичного интереса, который, будучи объективным по своему содержанию, реализуется исключительно в процессе его субъективного осознания правоприменителем. Субъективное осознание публичного интереса осуществляется при исполнении должностными лицами подавляющего большинства дискреционных полномочий, сформулированных в форме «прав», когда закон признает одинаково допустимыми несколько возможных вариантов действий, оставляя правоприменителю право выбора наиболее оптимального из них (в большей мере соответствующего содержанию защищаемого им публичного интереса). Неправильное понимание публичного интереса (при отсутствии факта намеренного

искажения его) влечет за собой безусловное отступление от принципа публичности, не всегда сопровождаемое нарушением принципа законности (в случае действия правоприменителя строго в рамках уголовно-процессуального закона).

Выявленные отличия позволили автору охарактеризовать законность как принцип, определяющий преимущественно формальную сторону уголовно-процессуальной деятельности, и публичность - как начало, не поддающееся строгой формализации и раскрывающее внутренние механизмы ведения производства по делу, его сущность.

В третьем параграфе «Соотношение принципа публичности с принципами легальности и целесообразности уголовного преследования и принципом неотвратимости уголовной ответственности» автор исходит из существования тесной связи между принципом публичности уголовного судопроизводства и двумя альтернативными началами, в соответствии с которыми осуществляется возбуждение уголовного дела (преследования) в различных процессуальных системах, — принципами легальности и целесообразности уголовного преследования. На основе анализа положений зарубежной уголовно-процессуальной доктрины в работе выделяется ряд общих черт, в равной мере присущих принципам легальности и целесообразности, которые содержательно совпадают с определенными в первой главе элементами принципа публичности (государственно-властный субъект, действие в силу полномочий, направленность деятельности на защиту публичных интересов). Разница заключается в элементе «содержание действий, осуществляемых в соответствии с принципом публичности»: публичность пронизывает все производство по уголовному делу; антиномия «легальность - целесообразность» регламентирует порядок принятия решения о возбуждении уголовного преследования.

По итогам проведенного сравнительного анализа автор приходит к следующему выводу: принципы, регламентирующие начало уголовного преследования, т.е. легальность и целесообразность, существуют в рамках принципа публичности и

представляют собой конкретные формы его проявления на начальном этапе производства по делу. Отличие их друг от друга заключается в характере реализуемых должностными лицами полномочий (легальность - императивные полномочия, целесообразность - дискреционные полномочия), а также в содержании публичного интереса на начальном этапе уголовно-процессуальной деятельности: легальность, в отличие от целесообразности, предполагает формализацию публичного интереса (правоприменитель должен считать государство заинтересованным в преследовании каждого преступления публичного обвинения).

Обязанность возбуждения уголовного дела в каждом случае обнаружения признаков преступления, традиционно включаемая в отечественной доктрине в дефиниции принципа публичности, рассматривается в работе как нормативная формулировка принципа легальности и одна из многочисленных обязанностей, подлежащих исполнению в силу принципа публичности (при условии построения процессуальной системы в соответствии с началом легальности). При этом в работе акцентируется внимание на том, что наличие данной обязанности не является безусловно необходимым для существования принципа публичности, т.к. последний в равной мере проявляет себя и при закреплении законодателем полномочия иного характера - возбудить уголовное преследование, если таковое будет признано целесообразным. В качестве иллюстрации «благополучного» существования публичного начала в форме целесообразности автором рассматривается недолговременный период официального признания принципа целесообразности отечественным уголовно-процессуальным законодательством (09.02.1925 - 22.11.1926 гг.).

При рассмотрении вопросов соотношения принципа публичности с материально-правовым принципом неотвратимости уголовной ответственности в работе обосновывается идея об отсутствии между ними процессуально-материальной параллели и устойчивой связи. Принцип неотвратимости уголовной ответственности не есть

безусловное продолжение публичного начала, т.к. даже теоретически он может быть признан процессуальной системой только при закреплении законом строго определенного типа публичности - выступающей в форме легальности на стадии возбуждения уголовного дела (преследования). Однако и в этом случае допущение законодателем последующего (после возбуждения уголовного преследования) освобождения от уголовной ответственности свидетельствует о возможности реализации принципа публичности (и как части его - легальности) в полном объеме без дальнейшего перехода к процессу реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности. Неправомерность отождествления процессуального начала публичности и материального начала неотвратимости ответственности дополнительно подчеркивается «нейтральным» содержанием первого и ярко выраженным обвинительным характером второго — непосредственной направленностью его на покарание лица, совершившего преступление.

В заключении излагаются выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Козлова А.Н. Понятие и содержание публичного интереса в свете принципа публичности уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2007. № 1. С. 72-86. - 1,1 п.л.
2. Козлова А.Н. Принцип публичности уголовного судопроизводства через призму антиномии «публичность - диспозитивность» // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Д.С. Карева. Москва. 2006. С. 149-154. - 0,3 п.л.